

Николай Чернов «Мемориал»

ISBN–13: 978-1-4716-7489-1

УДК: 1751

Издано:
Независимым Издательством

Москва 2022

Николай Михайлович Чернов

(1926-2009)

Николай Михайлович Чернов партийный работник, писатель, литературовед, один из ведущих исследователей жизни и творчества Тургенева в мире, в особенности - родственного и ближайшего окружения писателя; специалист по дворянской генеалогии. Исследователь Орловского края (культурология, "дворянские гнёзда", историческая библиография).

Родился в 1926 г., в д. Удерево Колпнянского района Орловской области. Из семьи крестьян с 200-летней родословной. Окончил филологический

факультет в Орле, аспирантуру на кафедре литературы и искусства в Академии общественных наук в Москве.

Более 30 лет на партийной работе. Сначала лектором в Орловском обкоме КПСС. В 1962 году после окончания Академии общественных наук при ЦК КПСС, его пригласили в ЦК КПСС, где он проработал до 1989 года в Отделе культуры, на должности инструктора, помощника зав. Отделом, руководителем группы консультантов. Был одним из инициаторов создания Советского (Российского Фонда культуры).

Будучи студентом, увлекся литературным краеведением, изучал места, связанные с жизнью и творчеством литераторов уроженцев Орловского края. На основе собранных материалов написал книгу «Литературные места Орловской области» (1959), которая выдержала три издания. Последнее из них вышло под названием «Орловские литературные места».

В дальнейшем литературные интересы Чернова сосредоточились на изучении жизни и творчества И.С. Тургенева, уроженца Орла. Николай Михайлович был одним из инициаторов и участников восстановления музея в родовой усадьбе Тургенева «Спасское-Лутовиново» По его инициативе с 1992г. Стал издаваться сборник трудов «Спасский вестник».

После ухода на пенсию, почти до самой смерти, работал научным консультантом музея – заповедника И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново».

Автор более чем 100 публикаций на указанные темы, преимущественно в современных изданиях. Наиболее известны его работы: "Об одном знакомстве И.С.Тургенева" ("Вопросы литературы". 1961, N 8) и "Повесть И.С.Тургенева "Первая любовь" и её реальные источники" ("Вопросы литературы", 1973, N 9). Эта - переведена на основные европейские языки.

Книги: "Орловские литературные места", три издания (1959, 1962, 1970); "Записки охотника" И.С.Тургенева. Изд. "Прогресс", 1979 (на англ. яз.) - комментарий, летопись жизни, составление, подбор ил.; "Записки охотника" И.С.Тургенева. Изд. Наука. М. 1991 (серия "Литературные памятники" - ответ. ред. издания, один из авторов комментария). "Орловские пренумеранты". Орел, 1987.

Жизни и творчеству Тургенева посвящены четыре книги Чернова: «Спасско-лутовиновская хроника: 1813 -1883» (1999), «Тургенев в Москве» (1999), «Провинциальный Тургенев» (2003), «Дворянские гнезда вокруг Тургенева» (2003). Николай Михайлович написал книгу об истории его родного Колпнянского края Орловской области.

Н.М.Чернов - собирал печатные материалы об И.С. Тургеневе и его окружении. Скомплектовал справочную архивную картотеку биографических сведений о писателе и его спутниках (есть машинописный указатель картотеки). Был увлечен изучением малоизвестных фактов из жизни Тургенева, т.н. "белых пятен", апокрифических событий из его биографии и творчества.

Награжден орденом «Дружба народов», двумя орденами «Знак почета», многими медалями.

Автобиографическая хроника Н.М. Чернова.

**Отдельные события, факты,
современники, встречные люди.
По памяти, бумагам и устным
свидетельствам.**

1926

В январе - свадьба родителей. В эти дни оттепель, лужи. Наутро гости, опохмелившись, вышли из душной хаты на улицу, чтобы повеселиться на просторе. "Худощекий", брат Танюхи-тёщи, (Петр Матвеевич Рыбин), выходя, одел по ошибке полушубок дяди невесты, свата "сходатого", Селиверста Мироновича Псарева. Начал плясать, падает наземь. Был хорошенько пьян. Полушубок весь мокрый, в грязи. Зрители смеются, а Селиверст – хохочет пуще других.

Потом, узнав свою одежду, разозлился. Хотелось хоть на ком-то сорвать сердце. Тоже изрядно выпивши. Беспричинно ударил по щеке собственную жену Варвару - она тётка жениху. С трудом успокоили буяна. Опасались только, что на обратном пути домой исколотит Варвару Павловну, некому будет заступиться.

Я родился в том году, 14 декабря, в доме деда Дмитрия, на Удеревке. По словам матери, к вечеру того дня. Говорят, что роды были тяжелые. Посылали за опытной "повитухой" полячкой Броней, в Тимирязево. Сын ее, известный в здешнем краю активист Федька Бронин. Броня сказала потом, что мальчик находился *слева, что считалось хорошей приметой.*

Крестили 19, в Николин день, в Колпне. Восприемник Егор Михайлович Киреев (1909-1988), крестная мать - Катюха (Екатерина) Киреева, жена другого двоюродного брата моего отца - Петра Григорьевича Киреева. С болью душевной вспоминаю свою страдалицу-мать: как трудно ей было в малознакомой ещё семье, при требовательной свекрови (рис. 1). Хата в одну комнату и чуланчик, четыре мужика (два из них деверья-юноши), две девочки - сестры мужа, маленькие еще. Восьмеро одновременно садились за стол. Ели из одной большой чашки. Черпали строго по очереди: по старшинству. Нарушить правила - ни в коем случае! Каждый кусок провожался внимательным взглядом.

1927

Под Рождество родители переехали жить на Хутор-Лимовое, к деду Антону. Они с мачехой остались одинокими. Сами приглашали к себе молодых, переманивали. Но и там оказалось не сладко: гонимым теперь стал мой отец. Танюхатеща - не родная мать. Зятя невлюбила. Стало понятно: и отсюда придется уезжать. Куда? Похоже, тогда наш отец и решился на *раздел* имущества со своим родительским семейством. Раздельная запись у меня сохранилась. Датирована 21-м февраля 1927 года. Там и я упомянут аз грешный, в качестве одного из претендентов на долю в наследстве. Отцу нашему с семьей достались: старый овин (из него потом был сооружен амбар на новой усадьбе). Он стоит теперь без крыши. Шкаф, зеркало, кровать, ржи 27 пудов, овса 10 пудов и на 35 рублей - обязательство отработать. Оговорена и доля в общественном землепользовании - в 1/6 того, что приходилось всему семейству на их крестьянский двор. Лошадь двухлетка, *дрожки* под упряжь. Упомянутый шкаф, застекленный, хранился и переделывался до 2000 года: считали ценностью. Его некогда изготовил по заказу лучший деревенский столяр Никита Логвеич Панов, уехавший потом навсегда по переселению в Сибирь.

Первый проблеск памяти: привезли меня из Хутор-Лимового на побывку к Черновым, к деду Дмитрию, по патриархальной привычке, чтобы отучить ребенка от материнской груди. Родители пока оставались на Хутор-Лимовом. Бабка Павлиха (Чернова) давала младенцу соску из пережеванного черного хлеба, который сдабривали сахарным песком. Засовывали ее малышу в рот. Годовалому ребенку предлагалось и свиное соленое сало, тонкими лепестками. Роди-тельский сахар хранился в мешочке на полке. Повзрослевшие дяди и тетки в шутку именовали этот запас "казной". То есть, привезли меня как бы со своими *харчами*. Алексей, брат, как-то при случае заметил, что дед и бабка Черновы тогда проявили исключительную скарედность в отношении молодой семьи. Впрочем, не нам их судить: они были обязаны подумать о *четырех* других своих малых еще детях.

1928

Всю весну и до конца лета продолжали строиться на новой усадьбе, в 2-х верстах от Удеревки. Поселок предназначался для молодых семей крестьян-отделенцев. Он располагался на упраздненной барской усадьбе В.А.Каширениновой. Наш отец соорудил скромное строение из

подручного материала: глинобитная хата, амбарчик, примитивный погреб-яма, хлев-закутка из самана. Мать уже ожидала второго ребенка. Окончательно на жительство в Калугу (самоназвание поселка, барская усадьба именовалась *Луговое*) переехали лишь к осени.

Алексей родился 29 августа 1928 года в Колпенской больнице. Увы, бывшее земское здание уже снесено. Осталась лишь его фотография. Вероятно, в тот год меня часто оставляли у бабушки на Удеревке, где имелись две няньки - девочки-тетки. Смутно помню какие-то самодельные игрушки. Соседние мужики любили подтрунивать над двухлетним шустрым мальчиком. Тот плясал им на потеху. Одного из соседей, по прозвищу Аким-пузатый, малыш называл по-своему: "Аким-пуа". Потому как свободно еще не говорил.

1929

Год ушел на обустройство. Невообразимые трудности. На новом месте всем надо было заводится с нуля. Лошадь еще молодая, работать в полную силу на ней нельзя. Приходилось обращаться к деду. С "хуторскими" стариками в контрах: те обиделись. Жаль покойных теперь моих

родителей. Жизнь жестоко закаляла их, иначе бы не выдержали того, что им еще предстояло впереди.

1930

Началась коллективизация. Лошадей неохотно сводили на общий двор. Земля вновь объединилась в единый "клин". Мы тоже долго не отдавали свою лошадку, именуя ее "стригунком". Телеги не было. Использовался инвентарь удеревского деда. Помню, однажды поехали мы с отцом на двуколке в Песочный верх за щебнем. Мне было года 4 не больше. Отец залез в штольную-углубление копать песок и его там привалило. Ребенок испугался. Но обошлось все благополучно.

Так называемых «единоличников», кто отказался вступать в колхоз, в нашем поселке из 25 дворов было всего два хозяйства Иван Лукьяныч и Фёдор-касаток со своей «Верой Ванной». Наша сестренка Вера, родившаяся в начале 1931 года, названа в память давно умершей бабушки Веры Никифоровны, в девичестве Пановой, из удеревского же семейства «Михалинских». Наш черновский дом именовался «Ефимовские», по прадеду Ефиму Андреевичу.

Вера-сестра родилась уже во вновь построенной хате в посёлке Калуга, Условия для родов самые